

МОНТЕСКЬЕ И КАНТЕМИР

1

В конце 1816 г. К. Н. Батюшков написал «Вечер у Кантемира», изящный и тонкий опыт в том литературном жанре «воображаемых разговоров», который излюблен был в XVIII в. писателями европейского, в первую очередь французского, Просвещения. В этом произведении Батюшков изобразил Антиоха Кантемира в его парижском кабинете, беседующим с его французскими друзьями, и прежде всего с Монтескье, о русской культуре и будущем русской поэзии.

По-видимому, Батюшков был вполне удовлетворен этим своим литературным трудом. «План и мысли довольно хороши. Все оригинально, и у нас не было ничего в этом роде», — писал он Н. И. Гнедичу 7 ноября 1816 г., посылая ему только что законченную рукопись «Вечера у Кантемира», еще «сырую», только что вышедшую из-под его пера после многих исправлений и переделок.¹ Батюшков не без основания предполагал, что его «Вечер у Антиоха Кантемира», т. е. разговор с Монтескье, где он «последнего немного поцарапал», будет «интересен» для читателей,² но опасался лишь, что «цензура что-нибудь вычеркнет в нем».³ Однако опасения эти оказались напрасными, и вскоре «Вечер у Кантемира» был опубликован Н. И. Гнедичем полностью без особых отличий от рукописного оригинала в первом томе «Опытов в стихах и прозе Константина Батюшкова» (СПб., 1817, с. 50—80), издании, встреченном единодушными похвалами критики и читателей.⁴ С тех пор «Вечер у Кантемира» перепечатывался неоднократно⁵ и принадлежит к числу его наиболее известных прозаических произведений.

Еще Л. Н. Майков отмечал, что этому воображаемому разговору «особый интерес» придает заключающаяся в нем «полемика с знаменитым французским мыслителем» и что «Вечер у Кантемира» следует считать «статьей, весьма важной для характеристики общественных воззрений Батюшкова в позднейший период его литературной жизни».⁶ Тем не менее в истории создания этого произведения, в установлении ближайших его источников, в ис-

¹ Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898, с. 16.

² *Батюшков К. Н. Соч. / Ред. Л. Н. Майкова.* СПб., 1886, т. 3, с. 395, 399.

³ Там же, с. 399.

⁴ *Фридман Н. В.* Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820 гг. — Учен. зап. МГУ, 1948, вып. 127, с. 179—199. (Труды каф. рус. литературы, кн. 3).

⁵ И. Перевлссский в своем издании «Избранных сочинений кн. А. Кантемира» (серия «Собрание сочинений известнейших русских писателей». М., 1849, вып. 2, с. XXXV), указав на «Вечер у Кантемира» Батюшкова, делает характерную оговорку: «Из этой статьи я не делаю извлечения, потому что ее можно найти в любой хрестоматии».

⁶ *Батюшков К. Н. Соч. / Ред. Л. Н. Майкова.* СПб., 1885, т. 2, с. 483.

толковании его замысла, в определении той роли, которую сыграло оно в первой половине XIX в. в русских спорах на философские и общественные темы, остаются еще темные места.

Что предопределило интерес Батюшкова к старому русскому сатирику и его французским друзьям, среди которых он выделил Монтескье? Что заставило его вступить в полемику с французским философом от имени Кантемира, скрывая свои собственные побуждения за доводами своих литературных героев? Имела ли хоть некоторое историческое правдоподобие изображенная Батюшковым сцена, местом действия которой он избрал Париж в начале 40-х гг. XVIII в.? Некоторые из этих вопросов в прямой или в косвенной форме поднимались несколько раз и в русской и в зарубежной литературе в связи то с Кантемиром, то с Батюшковым, то, наконец, и с Монтескье, но решение их никогда не было приведено к некоторому единству и включает в себе еще ряд противоречий, заслуживающих дальнейшего изучения. Все указанные вопросы представляют тем больший интерес, что, как следует думать, «Вечер у Кантемира» оказал немалое воздействие не только на критическую оценку поэтического наследия Кантемира, но и на выработку суждений о Монтескье русскими прогрессивными писателями и мыслителями первой четверти XIX в., в первую очередь декабристов, а затем и Белинского, хорошо знавшего это произведение Батюшкова.

2

Несомненно, что Батюшков не раз перелистывал страницы старенького уже в его время томика сочинений Кантемира в петербургском издании 1762 г. и что он вчитывался в него внимательно, заглядывая также и во многие другие литературные источники, имевшие отношение к Кантемиру и его времени. В статье 1815 г. «Нечто о морали» Батюшков цитирует «счастливое выражение» Кантемира из его 7-й сатиры;⁷ в позднейшем наброске («Мысли о литературе», 1817) он называет его «мой чистосердечный Кантемир» и вспоминает его стих о сытом и моте;⁸ в том же году, набрасывая план книги по истории русской литературы, Батюшков отмечает: «Кантемир — статья интересная».⁹ Однако сильное любопытство возбудили у Батюшкова не столько поэтические качества этого старого русского стихотворца, с наследием которого его собственное творчество имело слишком мало общего, сколько его личность и время, в которое он жил и действовал. Батюшкову в сильной степени присущи были исторические и философские склонности; его начитанность в специальной исторической литературе была несомненно очень значительной; велики были и его увлечения историческими разысканиями вся-

⁷ Там же, с. 127.

⁸ Там же, с. 339.

⁹ Там же, с. 337.

кого рода. Историко-литературные опыты и замыслы Батюшкова, еще недостаточно оцененные в истории русской филологической науки, заслуживали бы специального разбора; он проявил в них незаурядные способности лингвиста и ученого-историка.¹⁰ Все эти качества сказались в полной мере и в созданном им «Вечере у Кантемира».

В начале XIX в. к Кантемиру неудержимо влекло, впрочем, не одного лишь Батюшкова. Для него, как и для многих его русских современников, Кантемир всей историей своей жизни и творчества отвечал на целый ряд вопросов, встававших тогда перед русскими писателями, — об общественном назначении поэзии и ее месте в культурном творчестве народа, о роли сатиры среди других литературных жанров, о свойствах поэтической речи и отличиях русского стихосложения и т. д. В особенности же Кантемир возбуждал к себе интерес современников Батюшкова по той причине, что изучение его содействовало решению проблемы, которая взволнованно решалась тогда многими русскими людьми — свидетелями исторических событий Отечественной войны 1812—1814 гг. от Бородина до Лейпцига и Парижа. Кантемир знаменовал для них начало того исторического процесса, который получал блистательное развитие на глазах целой Европы и сулил грядущие успехи не только русскому оружию, но и творчеству в области литературы и искусства. В восприятии Батюшкова Кантемир был не только посланником российской державы, аккредитованным при самых влиятельных дворах современной ему Европы — в Лондоне и Париже, — но прежде всего первым русским писателем, жившим в центрах умственного движения того времени и получившим здесь европейское литературное имя. Кантемир был для Батюшкова провозвестником того огромного интереса к русской культуре и, в частности, к русской поэзии, который возникал всюду за рубежом и усиливался непрерывно.

Участник заграничных походов русских армий и взятия русскими войсками Парижа, Батюшков был и сам во время своих странствований свидетелем повсеместно возраставшего любопытства к русскому художественному слову, к русской общественной мысли, к русской культуре вообще. Вернувшись в отечество к мирному труду «и с новым удовольствием принимаясь за русские книги»,¹¹ листовые русские журналы, беседуя со вновь обре-

¹⁰ Напомним здесь очень интересно задуманный Батюшковым план целого труда по истории русской литературы, всецело проникнутый историзмом и противопоставленный им в этом смысле «болловне Бутервека и Баттё», а также самостоятельные разыскания Батюшкова в истории итальянской литературы. В примечании к статье о Петрарке (1815) Батюшков сообщил: «Я сделал открытие в итальянской словесности, к которому меня не руководствовали иностранные писатели < . . . > Я нашел многие места и целые стихи Петрарки в Освобожденном Иерусалиме» (Соч., т. 2, с. 172). Действительно, аналогичные параллельные сличения текстов Петрарки и Тассо зарубежные исследователи итальянской литературы произвели значительно позже Батюшкова.

¹¹ Батюшков К. И., Соч., т. 2, с. 77.

тежными друзьями, Батюшков постоянно должен был видеть, с каким вниманием и в России следят за успехами российской словесности в зарубежных странах, с какой надеждой взирают на ее будущую славу. В русских журналах 1814—1815 гг. известности русской литературы в чужих краях посвящено было немало статей, критических заметок, информационных сообщений и т. д.¹²

Н. Карамзин, еще в «Письмах русского путешественника» уделивший внимание вопросу об отношении иностранцев к русскому языку и словесности и в последующие годы со вниманием следивший за движением переводов на западноевропейские языки произведений русской литературы, писал теперь И. И. Дмитриеву: «Мы победили Наполеона: скоро удивим свет и нашим разумом. Жаль, что я из могилы не услышу рукоплесканий Европы в честь наших гениев словесности».¹³ Но мысль естественно обращалась не только в будущее, но и в прошлое, к заре новой русской литературы, к ее первым творческим успехам, к началу того исторического процесса, который сообщил этим успехам столь быстрое и уже для всех очевидное движение. Так возникал в это время интерес к Кантемиру, к Ломоносову.

3

В годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Вечера у Кантемира», о «первом русском сатирике» и видном русском дипломате немало писали в русских журналах. В 1810 г. Жуковский сделал критический разбор сатиры Кантемира в «Вестнике Европы», назвав его «нашим Ювеналом и Горацием» и поставив своей целью, «сравнив поэта с некоторыми иностранными сатириками, которым он некогда подражал, но подражал, как писатель оригинальный», «определить свое мнение о превосходстве разбираемого нами поэта».¹⁴ В 1811 г. в журнале В. Г. Анастасевича «Улей» в статье «Антиох Кантемир» была дана краткая биография сатирика и сообщен перечень его сочинений.¹⁵ В 1815 г. в ста-

¹² См., например, статью «Известность России в чужих землях» (Российский музей, 1815, ч. 2, № 4, с. 117—119).

¹³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 183.— Это мнение было всеобщим. Лицейст А. Д. Илличевский писал в 1815 г.: «Хвала русскому языку и русскому народу! Последняя война доставила ему много славы, и я уверен, что разуверившиеся, что мы варвары, разуверятся также и в том, что наш язык — варварский; давно пора этому!» (*Грот И. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники*. СПб., 1899, с. 67).

¹⁴ Жуковский. Критический разбор Кантемировых сатир. — Вестн. Европы, 1810, ч. 50, с. 42—59, 126—150. — Этой статьей очень интересовался Н. И. Гнедич. «Пришли № Вестника, где Кантемировы Сатиры», — писал он одному из друзей 23 апреля 1810 г. (*Тиханов П. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии*. СПб., 1884, с. 40).

¹⁵ Улей, 1811, т. 3, март, отд. 2, с. 191—197. — В следующем году о Кантемире писал А. Мерзляков в «Трудах Общества любителей русской словесности» (1812, № 4, с. 50—51), а затем также А. Шишков в «Чтениях в беседе любителей русской словесности» (1813, № 9, с. 3—54).

ть «Нечто о жизни кн. Антиоха Кантемира», помещенной в журнале «Современный наблюдатель российской словесности», издатель его П. Строев поместил извлечения из биографии Кантемира, изданной на французском языке в 1749 г. с таким примечанием: «Сии известия взяты из биографии кн. Кантемира, приложенной ко французскому переводу его сатир <...> Переводчик говорит, что он почти безотлучно находился при кн. Кантемире и пользовался его дружбою. Читателям нашего „Наблюдателя“ без сомнения приятно будет знать подробности жизни сего знаменитого стихотворца».¹⁶

Под руками Батюшкова, однако, находился еще один источник, который, как мы можем предположить, должен был сыграть известную роль в его решении испробовать свои силы в создании воображаемого разговора Кантемира и Монтескье. Это были «Опыты истории, словесности и нравоучения» М. Н. Муравьева, оценку которых Батюшков представил в особой статье 1814 г.¹⁷ В этих «Опытах» его двоюродного дяди, которым Батюшков стольным обязан был в своем воспитании и умственном развитии, целый отдел заняли «Разговоры мертвых»; один из них посвящен Кантемиру. Это произведение М. Н. Муравьева относится к тому восходящему к античной литературе, в частности к Лукиану, жанру бесед в «загробном мире» теней каких-либо исторических лиц, который был распространен и на европейском Западе со времен Возрождения, и в России с начала XVIII в. и до конца этого столетия. Авторы подобных произведений, руководствуясь то сатирическими задачами, то целями пропаганды определенных политических идей, то философскими мотивами, по своему усмотрению сталкивали в споре тех или иных воображаемых собеседников, не слишком заботясь об историческом правдоподобии изображаемых лиц и интересуясь лишь ходом их спора; естественно, что и самый этот спор отражал не столько воззрения собеседников, сколько убеждения или сомнения авторов подобных «диалогов мертвых», изложенные не догматически.

В России в XVIII в. подобные разговоры в Елисейских полях или на берегах Леты играли преимущественно роль политических памфлетов; в них главным образом выводились государственные деятели разных времен, затрагивавшие острые, злободневные вопросы современной их авторам политической жизни. Все эти диалоги, как на Западе, так и у нас, отличались нарочитой условностью, составлявшей характерный признак подобных произведений. Самое место их действия, абстрактное «царство теней», понимаемое в античном смысле, допускало изложение непринужденной беседы людей разных эпох и культур, как бы освобожденных не

¹⁶ Современный наблюдатель российской словесности, 1815, ч. 1, № 7, с. 137. — Печатание перевода растянулось в журнале на долгое время; имя автора этой французской биографии Кантемира здесь не раскрыто.

¹⁷ Батюшков К. Н. Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева. — Соч., т. 2, с. 73—91 (первоначально — в «Сыне отечества», 1814, ч. 16).

только от их телесной оболочки, но и от всех свойственных им национальных и языковых отличий.¹⁸ Таковы «разговоры мертвых» у Фонтенеля, Фенелона и их подражателей в различных европейских литературах, всецело посвященные как основной какой-либо философской, дидактической или политико-сатирической задаче.

Во Франции лишь в конце XVIII в. (особенно под пером Дидро) литературный жанр «воображаемых разговоров» совершенно перерождается: драматизация философского спора осуществляется в рамках исторической сцены, сопровождаемой ремарками автора, в которой «возможный», т. е. не только правдоподобный, но даже типический разговор ведут между собою не «мертвые», но живые лица, современники, со всеми присущими им человеческими чертами, притом не в «елисейских полях», а в историческом Париже.

В своем критическом разборе «Разговоров мертвых» М. Н. Муравьева Батюшков правильно определил уже архаический в то время источник литературного замысла своего родственника и наставника, возведя их к Фонтенелю, но попытался увидеть в «Разговорах» Муравьева также их своеобразные, по его мнению, особенности. «Желая начертать в юной памяти исторические лица знаменитых мужей, — пишет Батюшков, — автор, подобно Фонтенелю, заставляет разговаривать их тени в царстве мертвых. Но французский писатель гонялся единственно за остроумием: действующие лица в его разговорах разрешают какую-нибудь истину блестящими словами; они, кажется нам, любят сами тем, что сказали. Под пером Фонтенеля нередко древние герои преобразуются в придворных Лудовикова времени». У Муравьева же Батюшков находит «совершенно тому противное: всякое лицо говорит приличным ему языком, и автор знакомит нас, как будто невольно, с Руриком, с Карлом Великим, с Кантемиром, с Горацием и пр. Он, как Фонтенель, разрешает в маленькой драме своей какую-нибудь истину, или политическую или нравственную, но жертвует ей и ничтожными выгодами остроумия и, если смею сказать, скрывается за действующее лицо».¹⁹

Похвалы, расточаемые Батюшковым «Разговорам» Муравьева, явно преувеличены. Это отметил, между прочим, Белинский, писавший, что в «Разговорах» Муравьева нет именно того, что пытался увидеть в них Батюшков. «Исторические собеседники Фонтенеля, — писал Белинский, — похожи по крайней мере хоть на придворных Лудовика XIV, а герои Муравьева решительно ни на кого не похожи, даже просто на людей». «Вообще, — прибавлял Белинский, — Батюшков прославляет Муравьева как-то ретори-

¹⁸ *Rentsch J.* Lucian-Studien. Plauen, 1885, S. 15—40 («Das Totengespräch in der Literatur»); *Egilsrud Johan S.* Le «Dialogue des morts» dans les littératures française, allemande et anglaise. Paris, 1934; *Соболевский А. И.* Из переводной литературы петровской эпохи. — СОРЯС, 1908, т. 94, с. 12—14; *Виноградов Н.* Свидание двух теней. — ИОРЯС, 1906, кн. 2, с. 421—422; *Титов А. А.* Разговор в царстве мертвых. — Там же, 1907, кн. 3, с. 70—97, и др.

¹⁹ *Батюшков К. П.* Соч., т. 2 с. 76—77.

чески».²⁰ Действительно, в «Разговорах» Муравьева беседуют вовсе не исторические лица; «тени» их условны, схематичны и выведены только для того, чтобы аргументировать какую-нибудь несложную мысль, выраженную в афористической форме в виде эпиграфа к каждому диалогу. Эти беседы едва ли можно назвать и «маленькими драмами», как определил их Батюшков, так как в большинстве их нет и конфликта, столкновений, нет спора, борьбы мнений, которым можно было бы сообщить некий логический ход, динамическое развитие, обусловленные предвидимыми разногласиями собеседников или предопределенным непониманием их друг друга. Несмотря на это, мы вправе предположить, что преувеличенная оценка Батюшковым «Разговоров» Муравьева имела особые основания, помимо тех родственных чувств любви и преданности, какие питал он к покойному их автору. Утверждая, что у Муравьева «каждое лицо говорит приличным ему языком» и что он будто бы воспроизводит образы исторических лиц в характерных для них очертаниях, Батюшков, в сущности, формулирует те требования, которые он сам предъявлял в то время к произведениям подобного рода: в этих требованиях, возникших с особенной ясностью при внимательном чтении «Разговоров», и сосредоточен был один из тех творческих импульсов, которые привели его к созданию «Вечера у Кантемира».²¹

Строгий и последовательный историзм при воссоздании действующих лиц в диалогической сцене — таково было важнейшее качество, к которому Батюшков стремился в написанном вскоре им самим произведении. «Вечер у Кантемира» представлял собою дальнейший и очень значительный шаг вперед в развитии на русской почве жанра драматизованной философской беседы. Батюшков потому и считал с полным основанием, что в его произведении «все оригинально» и что в русской литературе «не было ничего в этом роде»; вместо архаических «Разговоров мертвых» он дал в своем «Вечере» сцену, происходящую в Париже Людовика XV, в которой беседуют между собою не бесплотные тени, а реальные исторические лица в точно определенный художником момент их исторического сосуществования.

Для замысла «Вечера у Кантемира» «Разговоры» Муравьева должны были иметь и более непосредственное значение в смысле

²⁰ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 246.

²¹ Напомним, что Батюшкову, автору сатирического «Видения на берегах Леты», приписывают также «Разговор в царстве мертвых», включющийся в отделе «Dubia» в собрание его стихотворений: см., например, в издании «Стихотворений» под ред. Б. С. Мейлаха (Л., 1941, с. 215—217). Н. Ф. Кошанский еще в своей «Частной риторике», вышедшей первым изданием в 1832 г. и затем выдержавшей семь изданий, с особым вниманием останавливается на «Разговорах в царстве мертвых», представлявших собою в то время уже вопиющий анахронизм. А. И. Маленн в своей статье о Кошанском (Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, с. 214) предположил, что главной побудительной причиной для Кошанского «подробнее распространяться об этой отрасли литературы служило чувство благоговения перед памятью своего покровителя М. Н. Муравьева».

выбора Батюшковым основных действующих лиц его сцены. Среди большого количества собеседников, выведенных Муравьевым, Батюшков в своей статье о «Разговорах» назвал для примера лишь две их группы, в том числе Кантемира и Горация.²² Несомненно, что беседа именно этих лиц обратила на себя особое внимание Батюшкова и запомнилась ему лучше других, к чему он уже подготовлен был своим интересом к личности старого русского сатирика. Эпиграфом к этому маленькому диалогу римского и русского поэтов Муравьев избрал следующую нехитрую, но важную в то время и близкую самому Батюшкову мысль: «Народы достигают истинной славы единственно тогда, как могущество их украсится письменами и просвещением».

Преднамеренность и сугубо дидактический замысел этого разговора заключается в том, что оба беседующих — Гораций и Кантемир — выступают здесь не в привычной им сфере мысли, а прежде всего в качестве прорицателей. Сначала Гораций дает весьма похвальную оценку исторической деятельности Кантемира, а затем и Кантемир, в свою очередь, посвящает Горация в историю развития русской словесности в течение всего XVIII столетия. «Послеудя столам моим, — говорит, например, Гораций Кантемиру в «Разговоре» Муравьева, — ты забавлял россиян, и сказывал истину, смеясь. Ты открыл им поприще письмен и останешься более известен тем, что ты был первый стихотворец своего народа, нежели тем, что ты представлял величество его в Англии и Франции».

Кантемир, отвечая тени Горация с истинно светской галантностью, после нескольких комплиментов на его счет скромно ограничивает свои исторические заслуги и указывает на тех русских писателей, которые явились после него и сделали больше, чем это удалось ему самому: «Чувствовать красоты твои было мое достоинство: перенести их в мой отечественный язык, покушение раннее и ожидающее успеха от позднейших писателей. При мне стихосложение не имело правил своих, языку недоставало избранности и благородства. В недрах прекрасного языка лежали сокровища его не открыты. Уроженец крайнего Севера (кто бы подумал?), сын земледельца — видишь сию величественную тень, беседующую с Цицероном и Галилеем, — Ломоносов даровал согласие и величество слову российскому. Сия другая тень <...> Сумароков <...> испытал язык трагедии и сотворил множество приятностей, заимствованных из общества. Их сила возбудила удачных соревнователей <...> Россиянин умеет побеждать и воспевать свои победы. Письмена воспитывают чувствительное юношество и обещают народу просвещение, добродетели и щастие».²³

²² Разговор М. Н. Муравьева «Гораций и кн. А. Д. Кантемир» был известен Батюшкову не только в составе рецензированной им книги, но и по журнальному тексту «Вестника Европы» (1810, т. 50, № 6, с. 106—108).

²³ *Муравьева М. Н.* Опыты истории, словесности и правоучения. М., 1810, ч. 1, с. 350—353.

Батюшков не мог не почувствовать всей несообразности этой беседы, и тем не менее основная мысль его «Вечера у Кантемира» и многие подробности воспроизведенной им сцены находятся уже в этом «разговоре» Муравьева, хотя и в зачаточном виде. Кантемир, предрекающий грядущие успехи русской словесности, расточающий похвалы еще не открытым в его время сокровищам отечественного языка, скромно рассматривающий себя как предтечу более мощных талантов, дающий оценку величественного жизненного дела Ломоносова, — все это воспроизведено и в «Вечере у Кантемира» Батюшкова, но в претворенном, преобразованном, развитом, доведенном до художественного совершенства виде. Близость исходных позиций Муравьева и Батюшкова бросается в глаза, несмотря на все различие их творческой манеры; бледное, беспомощное педагогическое сочинение Муравьева, написанное в пользу «чувствительного российского юношества», как бы пересоздано было Батюшковым вновь, но под его пером превратилось уже в яркую историческую сцену, в которой выпукло очерчены действующие лица, ведущие характерную для них, правдоподобную и вполне мотивированную беседу на тему, которую он считал животрепещущей и для своего времени.

4

Важнейшим из всех многочисленных творческих решений, с помощью которых Батюшков добился художественной реализации того замысла, который, как мы предположили, мог возникнуть у него при чтении указанного «Разговора» Муравьева, была замена им Горация как «собеседника» Кантемира историческим образом Монтескье. Задуманная Батюшковым сцена сразу ставилась этим в определенные исторические условия — указывала на время и место действия, требовала строгого и неуклонного следования источникам, устраняла обычные натяжки и возводила в принцип историческое правдоподобие изображаемой ситуации вместо прежней ее условности и несообразности. Правда, и у Батюшкова Кантемир также прежде всего «прорицатель», рассказывающий о будущих завоеваниях русской культуры, о перспективах развития и расцвета русского литературного творчества, но у Батюшкова все это совершенно преобразовано: его Кантемир не просто сообщает о будущих русских писателях своему собеседнику в некоем иррациональном мире, освобожденном от времени и пространства, каким он представлен у Муравьева, — Кантемир у Батюшкова делится своими мечтами о будущем русского искусства, и слушающие его люди должны почувствовать, что мечты Кантемира основаны на его горячем убеждении, что они питаются чувствами настоящего патриотизма, что их высказывает, наконец, трезвый мыслитель и внимательный наблюдатель современной ему жизни.²⁴

²⁴ В «Вечере у Кантемира» есть одна деталь, выдающая генетическую зависимость произведения Батюшкова от указанного «Разговора» Муравьева,

Кроме того, его «предвидения» являются прямым и логическим следствием ведущегося спора, естественно возникают из желания возразить Монтескье, составляющему центральную фигуру в группе изображенных Батюшковым собеседников. Поэтому историческими в полном смысле слова в сцене у Батюшкова являются прежде всего оппоненты Кантемира, а не он сам. Кантемира-мечтателя порой подменяет Батюшков; возражения Кантемира Монтескье естественны, исторически мотивированы (насколько это было доступно создателю «Вечера»), но все же чувствуется порой, что их произносит не современник Монтескье, а человек другой эпохи; это скорее ответ Монтескье русского писателя начала XIX в., как ни искусно облечен этот ответ в форму «маленькой драмы» исторического содержания.

Из свидетельств самого Батюшкова мы знаем, что, желая придать своей сцене наибольшее историческое правдоподобие, он старался заставить своих действующих лиц говорить их собственными словами. Более всего удалось это ему по отношению к Монтескье, естественному центру его произведения. «Монтескье разговор — мозаика из его сочинений», — признавался Батюшков Н. И. Гнедичу;²⁵ правда, и остальные участники беседы также говорят у него по возможности «своими» словами, по кое-где Батюшкову пришлось досказывать их мысли, в особенности там, где надо было связать последние логической связью, придать им своего рода сюжетный ход. Все это потребовало от Батюшкова тщательной и вдумчивой работы над историческими источниками — выписок, сличений, шлифовки, и он выполнил свой труд как настоящий ученый-историк.

Сочинения Монтескье составили для него первый и основной источник, с которого и началась его работа по созданию «Вечера у Кантемира». Имя Монтескье пользовалось у нас в это время широкой популярностью, доставшейся в наследство XIX веку от предшествующего столетия, когда на русский язык уже переведены были все важнейшие его труды.²⁶ Сам Батюшков знал тво-

но ярко демонстрирующая в то же время, как далек он от своего источника по своей зрелой художественной манере. Кантемир и у Батюшкова говорит о жизненном деле Ломоносова, — правда, не называя его по имени, но в таких выражениях, которые не могли оставить сомнения у читателей, кого он имеет в виду. «Как знать? — говорит Кантемир у Батюшкова, обращаясь к Монтескье, — может быть, на диких берегах Камы или величественной Волги возникнут великие умы, редкие таланты. Что скажете, г. Президент, услыша, что при льдах Северного моря, между полудиких родплея великий гений? Что он прошел исполинскими шагами все поле наук; как философ, как оратор и поэт преобразовал язык свой и оставил по себе вечные памятники? Это одно предположение, но дело возможное. . .».

²⁵ Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898, с. 16.

²⁶ «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» вышли в переводе Алексея Поленова в Петербурге в 1769 г.; трактат «О разуме законов» (т. е. «Esprit des lois») в переводе Василия Крамаренкова издан был в 1775 и 1800 гг.; «Персидские письма» в XVIII в. переводились у нас целиком (пер. Ефима Рознатовского. СПб., 1792) и в отрывках, выходили отдельно и в периодических изданиях; «Храм Индийский» — в 1770 и 1804 гг.; «Опыт о вкусе и творениях природы и искусства, найденный между бумагами

ренья Монтескье с юных лет, когда имя этого французского мыслителя тесно связалось в его восприятии с именами других, более поздних представителей французского Просвещения — Вольтера, д'Аламбера, Дидро. Идеи Монтескье, растворенные в общем комплексе французской просветительской мысли, содействовали в ранние годы жизни Батюшкова выработке в его сознании столь типичного для него представления о писателе как передовом деятеле общества, призванном содействовать развитию этого общества, насадителе просвещения и культуры, двигателе прогресса. Имя Монтескье Батюшков не раз слышал также, конечно, в семье М. Н. Муравьева.

Немалое значение имел для Батюшкова и тот сильный интерес к сочинениям Монтескье, который проявлялся в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств», в частности в группе «поэтов-радищевцев», с которой Батюшков тесно связан был и дружескими узами и идейной близостью.²⁷ Известно, например, что «Вольное общество» еще в 1802 г. «назначило переводить сочинение бессмертного Монтескье „Дух законов“, вследствие чего определен был и «особый комитет из тех, коим сделано сие предпоручение. Оный составили гг. Языков, Волков, Борн и Попугаев».²⁸ Этот коллективный перевод «Духа законов» был начат, но затем за него взялся единолично Д. И. Языков, выпустивший его через несколько лет в четырех томах.²⁹ Печатад его на свои средства В. С. Сопиков; издание это встретило некоторые затруднения в московском цензурном комитете и подверглось сокращениям.³⁰ Очень возможно, что Батюшков знал об этом и

покойного председателя г. Монтескья» также переведен был дважды в самом начале XIX в. — в кн.: Жерард. О вкусе. (М., 1803, с. 234—272) и отдельно в переводе А. Воейковой (М., 1805) и т. д. Неполный перечень сочинений Монтескье, вышедших отдельными изданиями в русских переводах, см.: Сопиков В. С. Опыт русской библиографии / Изд. В. Рогожина. СПб., 1904, ч. 3, с. 210—211; ч. 4, с. 189; Семенников В. П. Собрание старающегося о переводе иностранных книг. СПб., 1913, с. 34—35, 37, 53, 87; в периодических изданиях — см. в книге А. Н. Неустроева «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг.» (СПб., 1898, с. 401—402).

²⁷ Фридман Н. В. Батюшков и поэты-радищевцы. — Докл. и сообщения филологического факультета МГУ, 1948, вып. 7, с. 40—49.

²⁸ Орлов Вл. Русские просветители 1790—1800-х годов. 2-е изд. М., 1953, с. 236. — Об интересе к Монтескье В. Попугаева см. здесь же (с. 317).

²⁹ Монтескье. О существе законов / Пер. с франц. Д. Языков, изд. В. Сопиков. М., 1809—1814; ср.: Сын отечества, 1814, ч. 13, № 19, с. 256—266.

³⁰ По указанию М. И. Сухомлинова, пользовавшегося цензурным делом, Комитет обратил внимание, в частности, на то место в 1-й главе XV книги перевода трактата Монтескье, где говорится: «Рабство не хорошо по существу своему; оно не приносит пользы ни господину, ни рабу; этому — потому, что он ничего не может сделать по рассуждению, а первому — что, обходясь со своими рабами, занимает разные дурные привычки, нечувствительно приучаясь не наблюдать никаких нравственных добродетелей, делаясь гордым, вспыльчивым, сластолюбивым, жестоким». Другое место, вызвавшее опасения цензурного комитета и исключенное, находится в 7-й главе той же книги: «Но как все люди рождаются равными, то надобно сказать, что рабство противно природе, хотя в некоторых землях оно основано на естественной причине и надобно очень отличать эти земли от тех, в которых запрещают естественные

именно потому опасался, благополучно ли пройдет через цензуру его собственный «Вечер».³¹ У нас есть все основания предполагать, что Батюшков хорошо знал также все то, что писал о Монтескье А. Радищев, в частности по поводу его теории о климатических зонах и о различной степени восприимчивости их обитателей к культуре, формам общежития и гражданственности.

Неудивительно поэтому, что «Дух законов» и явился для Батюшкова прежде всего той книгой, с помощью которой он производил свою «мозаичную» работу, создавая «Вечер у Кантемира».

Воспользовался Батюшков также другими произведениями Монтескье, в частности «Персидскими письмами», к которым в прямой и скрытой форме несколько раз возвращается его беседа с Кантемиром.³² И все же наибольшее количество цитат, вложенных Батюшковым в уста Монтескье (а частично и других собеседников), заимствовано им из «Духа законов». Параллельные, хотя и не исчерпывающие их сличения произвел уже Л. Н. Майков.³³ Чем, однако, следует объяснить допущенную здесь Батюшковым хронологическую неточность — сознательным творческим актом или случайным упущением? Тем ли, что Батюшков не знал того факта, что «Дух законов» вышел из печати в 1748 г., т. е. через четыре года после смерти Кантемира (31 марта 1744 г.), или тем, что он считал возможным в художественном произведении подобные вольности — хронологические сдвиги и смещения, если они не вредят цельности общего впечатления и не нарушают идейной целеустремленности произведения? Первое из этих предположений отпадает полностью.

«Вечер у Кантемира» и в целом и во всех своих частностях безусловно свидетельствует о тщательности изучения автором как биографии и произведений Монтескье, так и целого ряда других источников. Безусловно, Батюшков знал о Монтескье и его окружении даже больше того, что знали об этом позднейшие исследователи парижского периода жизни Кантемира. Как мы увидим дальше, он основательно проштудировал такие источники, какими впоследствии пренебрегали или на которые не обращали долж-

причины» (см.: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статья по русской литературе и просвещению. СПб., 1889, т. 1, с. 448—449; *Оксман Ю. Г.* Из агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX в. — В кн.: *Очерки из истории движения декабристов.* М., 1954, с. 497).

³¹ Характерно, что заглавие трактата Монтескье Батюшков приводит в той же форме, в какой оно дано в переводе Д. Языкова («О существе законов»).

³² Так, вкладывая в уста Монтескье замечание о том, что в России «женщины, хранительницы прав, едва начинают освобождаются из-под ига мужей своих», Батюшков несомненно имел в виду LI письмо в «Персидских письмах», написанное от имени Наргума, «персидского посланника в Московию»; оно содержит в себе анекдотические сведения о семейном быте в России и даже письмо молодой «московитки» к ее матери; известно, что, переиздавая «Персидские письма», Монтескье сильно смягчил все утверждения Наргума. В уста Кантемира Батюшков вкладывает также прямую цитату из «Персидских писем» («Как можно быть персиянином?» — письмо XXX).

³³ *Батюшков К. П.* Соч., т. 2, с. 485.

ного внимания. Поэтому необходимо допустить, что Батюшков был хорошо посвящен в историю создания «Духа законов» и знал, что издание этой знаменитой книги в 1748 г., т. е. уже после смерти Кантемира, явилось итогом двадцатилетнего труда французского философа. Было поэтому вполне естественно вложить в уста Монтескье, как действующего лица, некоторые из тех его мыслей о России, которые впоследствии печатно закрепились в «Духе законов».³⁴

В «Вечере у Кантемира» есть прямой намек на другой, более ранний труд Монтескье — «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734), который по первоначальному замыслу автора должен был составить самостоятельный экскурс в уже тогда задуманном капитальном труде «Дух законов».³⁵ Наконец, у Батюшкова было еще одно основание пренебречь в данном случае точной хронологией: он извлек из «Духа законов» далеко не все высказывания Монтескье, относящиеся к России, ее прошлому и будущему; он опустил, в частности, наиболее сочувственные суждения Монтескье, следы имеющихся в этих суждениях противоречий;³⁶ в целях контраста с полными веры в будущее историческими предсказаниями и предположениями Кантемира Батюшкову необходимо было сосредоточить в устах Монтескье наиболее пессимистические из его прогнозов о России, т. е. как раз те, которые высказаны были в более ранних его произведениях, начиная с «Персидских писем». Тем естественнее было собственное намерение Батюшкова, которое он и действительно выполнил, — «немного поцарапать» Монтескье.

Таким образом, исследовательский метод Батюшкова, строго говоря, не должен быть подвергнут упрекам. Более того, «Вечер у Кантемира» не только художественно обобщал итоги тщательных исторических разысканий Батюшкова, но ставил перед будущими исследователями французского философа целый ряд таких проблем, которые не были разрешены до наших дней. Если Монтескье действительно принадлежал к числу друзей Кантемира в последние годы его парижской жизни, то какова была роль Кантемира в ознакомлении Монтескье с Россией и ее историей? Каков был результат их личного общения и бесед, и не оставили ли они каких-либо следов в том же «Духе законов»? Современные французские исследователи этих следов не находят и на этом основании даже готовы отрицать дружескую близость Монтескье и

³⁴ «Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существе законов», — говорит у Батюшкова Кантемир, обращаясь к Монтескье.

³⁵ «Вы, г. Монтескье, — говорит Кантемир, — на развалинах протекших веков на прахе гордого Рима и прелестной Греции (. . .) постигли причины настоящих явлений, научились пророчествовать о будущем». — Отрывок из «Размышлений о причинах величия и падения римлян» внесен в записную книжку Батюшкова («Чужое — мое сокровище») в 1817 г. — следовательно, уже после окончания «Вечера» (Соч., т. 2, с. 333).

³⁶ России, ее истории, культуре, современному состоянию и т. д. в «Духе законов» посвящено много страниц (см.: кн. 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 21, 22 и 26).

Кантемира. Так, например, Альбер Лортолари, в своей недавней книге впервые поставив вопрос не только о книжных, но и об устных источниках суждений Монтескье о России, прямо отказывается решать вопрос, сыграл ли какую-нибудь роль в этом отношении Кантемир для автора «Духа законов».³⁷ Однако А. Лортолари не воспользовался в этом отношении всеми теми книжными данными, какие были в распоряжении Батюшкова, поэтому вопрос и доныне еще остается открытым, подлежащим дальнейшему исследованию. Советские историки, в свою очередь, еще недостаточно оценили собственно исследовательское, не одно лишь художественное значение «Вечера у Кантемира». «Кто знает, была ли такая беседа между Кантемиром и Монтескье, да и важно ли было это?» — спрашивал, например, А. Сотников и отвечал: «Важно то, что со страниц статьи (Батюшкова) звучал полный веры в Россию и ее будущее голос настоящего русского патриота».³⁸ Нисколько не отрицая именно это значение «Вечера у Кантемира», следует, однако, признать, что зоркий глаз художника и присущая ему интуиция позволили Батюшкову найти и частично угадать в истории отношений Монтескье и Кантемира такие черты, какие долгое время оставались неизвестными их позднейшим исследователям; следовательно, вопрос об историческом правдоподобии «Вечера» имеет особое значение.

5

Откуда Батюшков знал о личном знакомстве Монтескье с Кантемиром? Какой источник подсказал ему этот факт, давший и основное направление развитию всего его замысла? Во всей переписанной выше русской литературе о Кантемире, увидевшей свет в начале XIX в., имя Монтескье не было упомянуто ни разу. Тем не менее такой источник существовал, и едва ли подлежит сомне-

³⁷ Lortholary Albert. *Le Mirage russe en France au XVIII siècle*. Paris, [1953], p. 34. — Известно, что M. Dodds («Les récits de voyages sources de l'Esprit des lois». Paris, 1929, p. III) могла указать только на две иностранные книги о России (Исбранта Идеса и кап. Перри), которыми безусловно воспользовался Монтескье во время работы над «Духом законов». А. Лортолари (там же, с. 289) не только значительно увеличил этот круг, назвав целый ряд других сочинений о России на французском, немецком и английском языках, вышедших между 1700 и 1748 гг., которые могли попасть в поле зрения Монтескье, но одним из первых поставил также вопрос о возможных устных источниках «Духа законов». Он назвал, в частности, герцога де Лирию, испанского посла в Петербурге, который летом 1728 г. звал Монтескье к себе в Россию, описывая ее самыми радужными красками, как своего рода «остров блаженных», по словам самого Монтескье (в письме к Bulkeley в июле 1728 г. из Граца); далее А. Лортолари назвал трех братьев Гуаско, из которых двое вернулись во Францию из России в 1742 г., а третий, аббат, был другом Кантемира и стал впоследствии его первым биографом; наконец, А. Лортолари упомянул также и Кантемира, замечая, впрочем, что «мы не знаем, воспользовался ли Монтескье всеми этими источниками. Читая его, в этом можно сомневаться» (с. 34).

³⁸ Сотников А. Т. Батюшков. Вологда, 1951, с. 49.

нию, что именно он и навел Батюшкова на мысль представить Кантемира в окружении его французских друзей. Мы предполагаем, что этим источником был «Пантеон российских авторов» Карамзина.

В объединенной под этим общим заглавием серии биографических очерков, написанных Карамзиным еще в 1801 г. (очерки эти, как известно, представляли собой текст к портретам русских писателей, изданный в четырех тетрадях Бекетовым), есть также и краткая справка об Антиохе Кантемире. Перечислив здесь основные факты и даты дипломатической и литературной деятельности Кантемира, Карамзин замечает о нем: «Самые просвещенные иноземцы чувствовали цену его ума и нравственных достоинств. Кантемир был другом известного аббата Гуаско и приятелем славного Монтескье». Для иллюстрации же этого утверждения Карамзин приводит в сноске следующую выдержку из письма Монтескье к упомянутому Гуаско: «Аббат Венути сообщил мне о той горести, которую причинила вам смерть вашего друга, князя Кантемира <...> Вы везде найдете друзей, которые смогут вам заменить того, кого вы лишились; но России не так легко будет заменить столь достойного посла, каким был князь Кантемир».³⁹

Хотя Карамзин и не указал, откуда он заимствовал эту цитату, но источник его вскрывается без труда: Карамзин цитирует письмо Монтескье к аббату Гуаско от 1 августа 1744 г., впервые опубликованное еще в 1767 г. в книге писем Монтескье к его итальянским друзьям⁴⁰ и перепечатывавшееся затем в собраниях его сочинений в XVIII в.⁴¹

Найденное Карамзиным и, по-видимому, впервые приведенное им в русской литературе документальное свидетельство о «приятельских», по его словам, отношениях, связывавших Монтескье с Кантемиром, представляло действительный исторический интерес и легко могло стать основой и для дальнейших разысканий в том же направлении и для творческого художественного замысла. Цитированная выдержка из письма Монтескье содержала уже ряд ориентирующих данных для работы того и другого рода: письмо адресовано к Гуаско, но имеет в виду обоих итальянцев аббатов, одновременно состоявших в дружеских отношениях и с Монтескье и друг с другом. Монтескье обращался к Гуаско потому, что хорошо знал о близости его к Кантемиру; о том же, какое впечатление произвела смерть Кантемира на Гуаско, первым сообщил Монтескье именно Венути. Все это следовало из указан-

³⁹ Цит. по: Карамзин Н. М. Соч. 4-е изд. СПб., 1834, с. 269—270. (письмо Монтескье Карамзин приводит во французском подлиннике). — Отметим еще небольшую статью Карамзина «Монтескье» в его «Пантеоне иностранной словесности» (1798, кн. 2, с. 299—300) — это перевод нескольких отрывков из «мелких сочинений сего славного автора, которые не были еще известны публике».

⁴⁰ *Lettres familières du président de Montesquieu, baron de la Brède, à divers amis d'Italie*. S. l. [Florence?], 1767, p. 48; *Montesquieu. Correspondance* / Publ. par. François Gebelin. Paris, 1914, vol. 1, p. 48.

⁴¹ *Montesquieu. Oeuvres*. Paris, 1795, vol. 5, p. 254.

ного письма и очерчивало круг дальнейших справок или изучений, необходимых для того, чтобы отношения всех указанных лиц представились с большей ясностью. Таков был, как мы предполагаем, и путь Батюшкова при создании им «Вечера у Кантемира», но любопытно, что приведенная Карамзиным цитата из письма Монтескье определила уже всех действующих лиц в произведении Батюшкова. Местом действия является здесь кабинет Кантемира в Париже в начале 40-х гг.; первыми его гостями являются Монтескье, сопровождаемый «аббатом В.», в котором естественнее всего было бы видеть аббата Венути, а в конце сцены появляется и аббат Гуаско.

Отсюда мы и заключаем, что «зерном» замысла Батюшкова явилось указанное письмо Монтескье: оно назвало всех четырех участников изображенной им беседы, потребовав, правда, дополнительных исторических справок; однако, когда они были наведены, они уже ничего не изменили ни в числе и составе действующих лиц его сцены, ни в той обобщающей характеристике личных отношений всех собеседников, которая была дана у Карамзина: «Кантемир был *другом* известного аббата Гуаско и *приятелем* славного Монтескье».

Указанное письмо Монтескье к Гуаско впоследствии приводилось много раз в литературе о Кантемире, — обычно, впрочем, без даты и без указания источника и, кроме того, большею частью в произвольных сокращениях, что, по-видимому, и послужило поводом к различным недоразумениям, в частности к смешению двух упомянутых в нем аббатов — Гуаско и Венути. Батюшков не совершил такой ошибки: для него Гуаско и Венути были вполне реальными лицами; о них он в некоторых отношениях знал больше того, что впоследствии было известно ученым исследователям Кантемира. В особенности это относится к Гуаско, которого и Карамзин называет «известным» и сочинения которого стали одним из важных источников «Вечера у Кантемира»; что касается Венути, то его роль оказалась здесь более скромной, каковою она была и в действительности в реальной биографии Кантемира.

Напомним, что в «Вечере у Кантемира» Монтескье появляется в сопровождении некоего «аббата В.», полное имя которого, по-видимому, с умыслом не раскрыто автором: «Антиох Кантемир, посланник русской при дворе Людовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего двора, — рассказывает Батюшков. — Свободное время от должности он посвящал наукам и поэзии <...> Однажды по вечеру Монтескье и аббат В., известный остроумец, навестили нашего стихотворца. Он беседовал со своею музою и не приметил входящих друзей, которые имели к нему свободный доступ».

В дальнейшем у Батюшкова этот «аббат В.» принимает довольно близкое участие в споре, завязавшемся между Монтескье и Кантемиром, — на стороне французского философа. Он оживляет их беседу своими репликами, хочет быть остроумным, до-

сказывая мысли Монтескье или оттеняя их, порою памерно усиливает некоторые его утверждения и тем самым вызывает еще более горячую и убежденную отповедь Кантемира им обоим. Характерно, что некоторые скрытые цитаты из сочинений Монтескье вложены в уста именно этого «аббата В.», который, следовательно, выполняет в произведении специальную литературную функцию: это как бы двойник Монтескье, введенный в сцену только для того, чтобы оживить действие, укоротить рассуждения главного оппонента Кантемира, и предоставляющий при этом известную свободу автору для пересказа подлинных кусков текста, взятых из сочинений Монтескье. Вводя это лицо, не оказывающее прямого воздействия на ход самого спора между Кантемиром и Монтескье, но играющее лишь подсобную роль, Батюшков достигал еще одной цели: Кантемир спорил у него не с одним лицом, а с двумя единомышленниками, — тем ярче становилась его убежденная речь, тем естественнее представлялось красноречие его защиты и достойнее его конечная победа. Поэтому «аббат В.» скорее литературный персонаж, а не реальное историческое лицо, известное из биографии Монтескье и Кантемира; это некий «возможный» аббат, своего рода обобщение, художественная догадка. Кроме того, Батюшков едва ли и мог располагать достаточно подробными данными об историческом аббате Венути, приятеле Монтескье и Гуаско, и не знал его действительных мнений о русской культуре и ее будущности. В силу того что весь образ «аббата В.» у Батюшкова основан на художественных допущениях, он и скрыл его имя за инициалом «В.», что, однако, несколько не противоречит нашей догадке, что он вспомнил прежде всего имя аббата Венути.

Иначе думали об этом предшествующие исследователи Батюшкова. Так, Л. Н. Майков в комментарии к «Вечеру у Кантемира», пытаясь понять, почему имя этого персонажа не названо автором полностью, высказал предположение, которое представляется нам вовсе неубедительным. По его мнению, «аббат В., известный остроумец», — это «без сомнения аббат Вуазенон, известный своими эротическими сказками».⁴² Совпадение начальных букв фамильных имен обоих аббатов — Венути и Вуазенона — не может служить никаким аргументом в пользу предположения Л. Н. Майкова; достаточно уже и того, что ни в каких документальных ма-

⁴² Батюшков К. Н. Соч. т. 2, с. 484. — Л. Н. Майков исходит из того, что аббат Вуазенон (1708—1755) «был близок к Монтескье, о котором оставил несколько интересных воспоминаний», и ссылается на мнение о нем Сент-Бева, считавшего его прежде всего «фривольным писателем», имя которого он решился назвать с некоторым принуждением. «Так и Батюшков, — заключает отсюда Майков, — стесняясь дурной славы Вуазенона, не выставил его всеми буквами». Думается, однако, что характеристика Батюшковым его «аббата В.» как «известного остроумца» вовсе не предполагает того смысла, который пытается придать ей Майков; ссылка же на Сент-Бева подменяет отсутствующие указания на то, что о Вуазеноне и его отношении к Монтескье мог знать или действительно знал Батюшков. Между прочим, Л. Н. Майков на той же странице своего комментария приводит и отрывок из указанного выше письма Монтескье с упоминаниями Кантемира и Венути, но с опечаткой в дате (1774 вм. 1744 г.).

териалах о парижской жизни Кантемира имя Вуазенона не упоминается; Батюшков, столь строгий к своей исторической задаче и столь тщательный в своем следовании источникам, не мог допустить такой очевидной натяжки.

Гораздо лучше известно было Батюшкову имя Гуаско: он предпринял специальные поиски, чтобы познакомиться с его литературными трудами. В «Вечере у Кантемира» Гуаско появляется в самом конце сцены, в тот момент, когда спор между Монтескье и Кантемиром достиг уже высшей точки, когда высказаны уже почти все аргументы с одной и с другой стороны. Напомним, что спор возник по поводу русских стихов, но перешел на более общую тему о будущем русской культуры. Кантемир искусно опроверг пессимистические опасения Монтескье, предрек, что «через два или три столетия, может быть и ранее» отечество его, эта «обширнейшая земля в мире», «учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законов, одним словом — хранилищем просвещения». Аббат В. допустил также, что переведенные Кантемиром «Персидские письма» Монтескье читаются «на берегах Лены или Оби, в пустынях Татарии», а «имя Монтескье гремит в становищах калмыков и самоедов...». «Читают Персидские письма при свете лампы, налитой рыбьим жиром?» — недоверчиво и с некоторым испугом спрашивает его Монтескье.

Когда же в качестве последнего и, может быть, наиболее сильного аргумента Кантемир высказывает мысль, что его собственное имя «будет уважаемо в России более потому, что я первый осмелился говорить языком Муз и Философии, нежели потому, что занимал важное место при дворе вашем»,⁴³ Монтескье уже почти готов сдать свои прежние позиции, — во всяком случае чувствуется, что он заинтересован развернутой перед ним картиной и уверился, что рождающаяся новая русская культура заслуживает специального изучения. В эту минуту Батюшков и выводит на сцену аббата Гуаско. В остроумно задуманной концовке «Вечера» Батюшков искусно возвращает спор Монтескье и Кантемира к его началу, замыкая круг, и в то же время сосредоточивает главную мысль своего произведения:

«Монтескье» Мы желали бы видеть ваши сатиры на французском языке. Отчасти я согласен с вами: картина нравов народа почти нового всегда любопытна. Но... вот и аббат Гуаско, ваш приятель...

Вы очень кстати навели на нас, — сказал Кантемир, обнимая аббата. Вы перевели мои сатиры на французский язык: прочтите что-нибудь в угождение г. Президенту «Монтескье», а у вас, господа, прошу терпения и снисхождения...

⁴³ Ср. слова о Кантемире в названном выше «Разговоре мертвых» М. Н. Муравьева: «Ты открыл им поприще писмен и останешься более известен тем, что ты был первый стихотворец своего народа, нежели тем, что ты представлял величество его в Англии и Франции».

Чтение и разговор продолжались долго даже за полночь. Наконец, Монтескье и аббат В. откланялись министру и расстались... Довольны ли им? Не знаю.

Знаю только, что Кантемир, шевеля гаснувшие угли в камине, сказал аббату Гуаско: Признайся, любезный друг, Монтескье умный человек, великий писатель... но... Но говорит о России, как невежда, — прибавил аббат Гуаско. — Скромный Кантемир улыбнулся, пожелал доброй ночи аббату, и они расстались».

Таким образом, в этой заключительной сцене Гуаско появляется в качестве близкого друга Кантемира и его переводчика, но играет еще более важную роль: в том споре, который развернулся между его друзьями в его отсутствие, но содержание которого он мог угадать по последним словам Монтескье, Гуаско сразу же принимает сторону Кантемира. Он даже осуждает взгляды Монтескье на русскую культуру как бы от своего имени, досказывая за Кантемира то, что он мог иметь в виду, но не хотел сказать сам. Мы чувствуем в этой сцене перо подлинного художника, с большим тактом оттенившего здесь и «скромность» Кантемира, и полное понимание его мысли приятелем и переводчиком его Гуаско; то, что рискованный приговор неосведомленности Монтескье относительно России произносит не Кантемир, а его переводчик, также полно значения и выдает тонкий артистический расчет автора; это прежде всего усиливает правоту убеждений Кантемира, в решительный момент обретающего единомышленника-иностранца, который как бы уравнивает одним своим словом до полной симметрии силы спорящих.

С другой стороны, слово, сказанное Гуаско, является эхом того приговора, который произнес воззрениям Монтескье на русское государство и его будущее сам Батюшков. Здесь сосредоточена центральная мысль всего произведения в целом. Правда, и Батюшков, и даже изображаемый им Кантемир не столько осуждали Монтескье за некоторые его ошибочные представления о русском государстве, сколько сожалели о том, что у него еще не было достаточных поводов удостовериться в противном; историческое чутье Батюшкова не изменило ему и здесь. Ранее он вложил в уста Кантемира особую похвалу Монтескье, и она еще более подчеркнула тонко скрытую общественную тенденцию «Вечера», оттенив также и то, что в «Духе законов» Монтескье ценили прежде всего русские современники Батюшкова. «Вы, г. Монтескье, наблюдаете беспрестанно мир политический <...> Вы постигли причины настоящих явлений, научились пророчествовать о будущем. Вы знаете, что с успехами просвещения изменяются явным и неперемennым образом все формы правления: вы заметили сии изменения в земле русской! <...> Лестные надежды! Вы сбудетесь конечно», — восклицает далее у Батюшкова Кантемир, мечтая о времени, когда его отечество «учинится хранилищем законов» и «свободы, на них основанной».

Заключительная сцена «Вечера у Кантемира» явилась результатом тщательного изучения Батюшковым соответствующих источ-

ишков и в первую очередь писаний самого Гуаско. В период напряженной работы над «Вечером» Батюшков писал Н. И. Гнедичу: «Насилу отыскал перевод Гуаско, с которым надобно было справиться».⁴⁴ Это признание дает полное представление о характере «мозаичной» работы Батюшкова над его произведением: он не мог удовлетвориться теми извлечениями из французского жизнеописания Кантемира, какие уже имелись в русских переводах, но разыскивал подлинное французское издание его «Сатир», которому это жизнеописание было предпослано. Речь идет здесь о книге, изданной дважды — в 1749 и 1750 гг.⁴⁵ «Справиться» с этим редким у нас и во времена Батюшкова источником ему необходимо было для того, чтобы почерпнуть отсюда и краски для образа Гуаско и дополнительные подробности для «Вечера» в целом.

Следует обратить внимание на то, что для Батюшкова, по-видимому, не существовало вопроса, кто был автором жизнеописания Кантемира и французского перевода его сатир, и что он легко отождествил переводчика и биографа с адресатом письма Монтескье от 1 августа 1744 г. Батюшков несколько не сомневался, что переводчиком «Сатир» Кантемира и составителем его биографии был аббат Гуаско, а не кто другой, несмотря на то, что в обоих французских изданиях «Сатир» (1749 и 1750 гг.) Гуаско нигде себя не назвал.

В настоящее время авторство Гуаско отрицать более не приходится: оно установлено с полной несомненностью; однако в течение почти всего XIX в. в русской литературе существовали об этом самые сбивчивые и противоречивые сведения. Имени автора жизнеописания Кантемира не знал, например, первый переводчик краткого извлечения из него, приложенного к русскому изданию «Сатир» 1762 г.;⁴⁶ не знали его и многие другие русские переводчики, историки и критики. Евгений Болховитинов, кажется, впервые отождествил его с Гуаско в своем «Словаре русских светских писателей»; по, как известно, словарь этот, составленный в рукописи в начале XIX в.,⁴⁷ был издан полностью много лет спустя

⁴⁴ Батюшков К. И. Соч., т. 3, с. 399.

⁴⁵ *Satyres du prince Cantemir trad. du Russe en Français: avec l'histoire de sa vie.* Londres, 1749. 12°. 432 p.; 2-е, дополненное издание под тем же заглавием — A Londres, chez Jean Nourse, 1750. CXII+245 p. — В начале книги на нумерованных страницах напечатаны посвящение A Madame***, подписанное L. A***, с датой 1 февраля 1745 г. (т. е. почти ровно через год после смерти Кантемира), и «Уведомление от переводчика», в котором сообщается, что первоначально он перевел «Сатиры» Кантемира на итальянский язык вместе с автором, а затем на французский по просьбе друзей сатирика («des personnes qui étaient liées avec le prince Cantemir. . .»). Ср.: Геннади Г. Данные для полного собрания сочинений Кантемира. — Библиографические записки, 1858, № 3, с. 86.

⁴⁶ Житие кн. А. Д. Кантемира (перепеч. в кн.: Соч. и переводы И. С. Баркова. СПб., 1872, с. 2—16); автором этой биографии Кантемира Барков называет «некоторого его приятеля».

⁴⁷ Отдел о Кантемире напечатан был еще в журнале «Друг просвещения» (1806 ч. 4, № 12, с. 250—257). Ср.: Бычков А. Ф. О словарях русских писателей митр. Евгения. СПб., 1868, с. 4, 5. — Имя Гуаско, однако, здесь еще не

после того, как был написан «Вечер у Кантемира» Батюшкова.⁴⁸ Авторство французского перевода «Сатир» и биографии Кантемира приписывал Гуаско также и Д. Бантыш-Каменский в своем «Словаре», но и этот справочник вышел в свет значительно позже того времени, когда произведение Батюшкова появилось в печати.⁴⁹ Напротив того, в последующей литературе о Кантемире прочно утвердилось ошибочное мнение, что переводчиком и биографом его был аббат Венути. Без всяких к этому оснований и без какой-либо аргументации мнение это поддерживалось в течение многих лет такими авторитетными исследователями Кантемира, как В. Я. Стоюнин,⁵⁰ И. Шимко,⁵¹ и закреплено было даже в «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова.⁵² Изредка встречается оно и у зарубежных исследователей.⁵³

Таким образом, в вопросе о том, кто был истинным переводчиком «Сатир» Кантемира и — в качестве его близкого друга — авторитетным и сведущим биографом, Батюшков занял более правильную позицию, чем многие позднейшие исследователи русского сатирика. Только разыскания В. Н. Александренко, потребовавшие, в частности, разнообразных архивных справок в зарубежных книгохранилищах, вполне подтвердили, что этим лицом был действительно Октавиан Гуаско, и внесли некоторую ясность в историю его отношений с Кантемиром, еще достаточно туманных во

названо; в этом первом печатном варианте статьи «словаря» о Кантемире говорится лишь, что его сатиры «с рукописи русской переведены одним итальянским аббатом, приятелем его, на итальянский язык с помощью его самого» и т. д.

⁴⁸ *Взвешенный митр.* Словарь русских светских писателей / Изд. Москвитянина [М. П. Погодина]. М., 1845, т. 1, с. 269—271; «Сатиры (Кантемира) незадолго до смерти его в Париже, с рукописи русской переведены итальянским аббатом де Гуаско, приятелем его, на итальянский язык, с помощью его самого, а после смерти, в 1744 г., итальянец сей перевел их на французский язык и напечатал в Лондоне, в 1750 г. с избранными из подлинника примечаниями и с пространном описанием жизни автора. В сем жизнеописании много весьма любопытных политических известий о происшествиях, современных автору, и его дипломатических действиях, а русское жизнеописание, напечатанное при сатирах его, есть только сокращение с оногo».

⁴⁹ Словарь достопамятных людей русской земли. / Сост. Д. Бантышом-Каменским и изд. А. Шляевым. М., 1836, ч. 3, с. 33. — На с. 31 приведен отрывок из письма «Славного Монтескье» к другу его, известному аббату Гуаско о Кантемире — та же цитата, которая приведена была ранее и Карамзиным.

⁵⁰ *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избранные переводы/Вводная статья В. Я. Стоюнина. СПб., 1867, с. XVI, XXXVIII, LV, LXXVIII, XCVII, CIX. — Те же утверждения, что переводчиком и биографом Кантемира был «его приятель, аббат Венути», Стоюнин привел и в своих статьях «А. Кантемир в Лондоне» (Вестн. Европы, 1867, кн. 3, с. 227) и «А. Кантемир в Париже» (там же, 1880, кн. 9, с. 185, 186, 197, 215, 218. — Ср. здесь же на с. 185 замечание о «дружеских сношениях» Кантемира и Монтескье).

⁵¹ *Шимко И.* Новые данные к биографии кн. Кантемира. — ЖМНП, 1891, № 4, с. 369, примеч. 1, 377; № 6, с. 312, примеч. 2.

⁵² *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910, т. 2, с. 573 (под №29).

⁵³ *Mohrenschildt D. S.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. New York, 1936, p. 36—37.

времена Батюшкова.⁵⁴ Тем не менее, пользуясь относительно скудными источниками, автор «Вечера у Кантемира» сумел угадать черты этого итальянского аббата, жившего в Париже, и правдоподобно воссоздать его человеческий и писательский облик.

Любопытно, что в своем издании «Сатир» Кантемира и в его биографии Гуаско нигде не упомянул имени Монтестье. Это сделано им по вполне понятным причинам. В то время, когда вышли в свет оба издания «Сатир», т. е. в 1749 и 1750 гг., Монтестье был еще жив. Следовательно, для того чтобы вложить в уста Монтестье фразу, обращенную к Кантемиру, — «Мы желали бы видеть ваши сатиры на французском языке», — Батюшков должен был иметь под руками и изучить еще один источник, недостающее звено для воссоздания полной картины отношений, связывавших всех трех интересовавших его лиц: Кантемира, Гуаско и Монтестье. Таким источником и должны были быть письма Монтестье к Гуаско, из которых цитату извлек уже Карамзин. В этой переписке действительно имеются некоторые данные об участии Монтестье во французском издании «Сатир», которыми пренебрегли русские исследователи Кантемира; это тем примечательнее, что Батюшков ими пользовался.

6

Хотя факт двукратного издания «Сатир» Кантемира во французском прозаическом переводе Гуаско в настоящее время широко известен историкам русской литературы, но вся история этого интересного издания — одного из первых опытов перевода на иностранный язык крупного и цельного литературного труда русского писателя — исследована еще слишком мало. Французские переводы сатир, вышедшие в свет через пять лет после смерти Кантемира и более чем за десять лет до того, как эти сатиры впервые появились в русской печати, не сличены с русскими подлинниками; не определены еще ни особенности того рукописного текста, с которого делал свои переводы Гуаско, ни степень возможного участия в работе над ними самого Кантемира или каких-либо других лиц, живших в Париже и знавших русский язык;⁵⁵ остается

⁵⁴ *Александренко В. Н.* К биографии кн. Кантемира, 4. Кто написал первую биографию кн. Кантемира? — Варшав. унив. изв., 1896, кн. 2, с. 10—13. — Среди разнообразных и убедительных доводов в пользу авторства Гуаско, почерпнутых из русских и иностранных источников, В. Александренко указал, в частности, и на прямое свидетельство об этом, сохранившееся на экземпляре перевода «Сатир» 1750 г. в Британском музее в Лондоне.

⁵⁵ Соображения В. Н. Александренко («Кто написал первую биографию кн. Кантемира?») по поводу того, когда и как был сделан этот перевод, и в особенности его догадка, не принимал ли в нем участие С. К. Нарышкин, требуют еще дополнительных разысканий и подтверждений. Более вероятно помощь при переводе, оказанная Гуаско двумя его братьями, в 1742 г. вернувшимися из России и, несомненно, знавшими русский язык. К сожалению, об этих лицах мы знаем лишь то, что сообщил о них сам Октавиан Гуаско в своем итальянском письме к Кантемиру от 22 октября 1739 г. См.: *Май-*

также совершенно неясным отношение к «Сатирам» французской критики и читателей. О последнем в особенности следует пожалеть.

Как уже неоднократно подчеркивалось, факт двукратного издания французского перевода этих сатир (а затем и двукратного же издания их на немецком языке) едва ли не говорит сам за себя. Недаром же еще Сумароков не без досады отмечал, что «счастье Кантемира основали» его тяжелые стихи, «славою автору не только Москву и Россию, но и всю Европу наполнившие» («О столпосложении»).

В полном соответствии с этим свидетельством современника у нас обычно подчеркивают, что «имя Кантемира получило европейскую известность»,⁵⁶ что он был «первым русским поэтом, который стал жить и для Европы».⁵⁷ Между тем факты, которыми можно было бы подкрепить подобные утверждения, еще подобраны у нас плохо и явно недостаточны. Не сыграл ли для подобных утверждений известную роль «Вечер у Кантемира» Батюшкова?

Л. В. Пумпянский в обобщающей статье мог писать следующие слова о Кантемире: «Он был первым русским писателем, который завоевал если не европейскую славу, то европейское почетное имя. Для Вольтера, для Дидро, для поколения энциклопедистов Кантемир — хорошо известное литературное лицо и как представитель в Париже молодой русской культуры».⁵⁸ Трудно было бы возразить что-либо по существу этой характеристики, если бы названные здесь имена французских писателей были выбраны более удачно и вместо Вольтера и Дидро здесь стояли бы Монтескье и хотя бы, например, современник его драматург Нивелль де ла Шоссе, имя которого не встречается донныне ни в одной биографии Кантемира — несмотря на то, что существуют данные, подтверждающие их близкое знакомство.⁵⁹ Что же касается Вольтера и

ков Л. Н. Материалы для биографии Кантемира. СПб., 1903, с. 151—152. — Наконец, остается все же неопровержимым, что сатиры, — как это утверждает и сам Гуаско, — сначала переведены были им совместно с автором на итальянский язык, а с этого рукописного перевода вторично переведены на французский; тем интереснее было бы сличить русский оригинал сатир с их французским переводом, между которыми стоял не дошедший до нас и, может быть, поправленный самим Кантемиром итальянский текст.

⁵⁶ *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 49.

⁵⁷ *Благой Д. Д.* Антиох Кантемир. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. 3, вып. 4, с. 123.

⁵⁸ *Пумпянский Л. В.* Кантемир. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 3, с. 208.

⁵⁹ Существовало письмо Кантемира к Пьеру-Клоду Нивелль де ла Шоссе (Nivelle de la Chaussée, 1692—1754), писанное им в Париже (с датой: 13 августа, без года). Полностью оно опубликовано не было; сделано было, однако, его описание, включающее небольшой, но характерный отрывок из самого письма. Весь тон данного отрывка позволяет нам причислить этого французского писателя к интимному кругу парижских друзей Кантемира. В этом письме Кантемир приглашает Нивелль де ла Шоссе к себе на обед и настоятельно просит захватить с собой его новую пьесу: «Я всегда испытывал такое удовольствие, слушая то, что продиктовала вам ваша любезная муза, что мне

особенно Дидро, то мы едва ли имеем право сказать, что им обоим Кантемир был хорошо известен как писатель; для такого утверждения у нас решительно нет никаких данных.⁶⁰ Иное дело — Монтескье. Если, действительно, критических статей о «Сатирах» Кантемира в переводах Гуаско во французских периодических изданиях середины XVIII в. не появилось вовсе,⁶¹ то отзывы о них современников следует искать в других источниках — в мемуарах и переписке, в неизданных документах. Переписка Монтескье как раз и позволяет установить, что он оказал непосредственное содействие выходу в свет «Сатир» Кантемира в переводах Гуаско и был также одним из первых читателей этой книги.

В зарубежной литературе о Кантемире установилась, однако, совершенно ошибочная, с нашей точки зрения, традиция отрицать факт сколько-нибудь значительной близости между ним и Монтескье. «Его (Кантемира) дружба с Монтескье быть может является только легендой, основывающейся на ошибочной интерпретации одного письма Монтескье», — пишет, например, Г. Лозинский,⁶² имея в виду цитированное у нас выше письмо Монтескье к Гуаско от 1 августа 1744 г. «Доказательства дружбы Кантемира и Монтескье весьма скудны; в большей своей части они вымышлены», — замечает в свою очередь Д. Мореншильдт, также ссылающийся на это же письмо Монтескье 1744 г. По мнению Мореншильдта, данное письмо свидетельствует, что Монтескье, «очевидно, имел более высокое мнение о Кантемире как дипломате, чем как о писателе. Его сатиры, например, он считал неоригинальными и безжизненными» (*unoriginal and lifeless*).⁶³

Стоит, однако, взглянуть на текст того письма Монтескье (от 22 июля 1749 г.), на которое здесь дана ссылка, чтобы увидеть, как произвольно и тенденциозно толкуется оно Мореншильдтом.

не терпится насладиться тем новым произведением, которое она может мне предоставить, — пишет здесь Кантемир и прибавляет: — Я разделю это наслаждение вместе с малочисленным обществом друзей, которые не менее меня восхищены будут радостью вас услышать» (*Lettres autographes composant la collection de M. Alfred Bovet décrites par Etienne Charavay. Paris, 1887, p. 484, № 1320*).

⁶⁰ Соображения о том, что мог знать о Кантемире Вольтер, я уже высказал в другом месте: см. статью «Вольтер и русская культура XVIII века» (наст. изд., с. 225—226); несмотря на ранний обмен письмами с Кантемиром (не по литературному поводу), Вольтер нигде не обнаружил ни своего доброжелательного отношения к русскому поэту, ни знакомства с французским переводом его «Сатир» или собственно французскими стихами Кантемира. То же можно сказать и о Дидро; его знакомство с теми же «Сатирами» русского писателя еще менее вероятно. Если Вольтер мог обратить внимание на «Сатиры» в особенности потому, что они содержали в себе картины общественной и частной жизни в стране, историю и нравы которой он изучал для своих трудов о России и Петре I, то у Дидро на рубеже 40—50-х гг. не было и этих поводов, так как Россией он начал интересоваться позже.

⁶¹ *Mohrenshildt D. S. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France, p. 36—37.*

⁶² *Lozinsky G. Le prince Antioche Cantemir — poète français. — Rev. des études slaves, 1925, t. 5, fasc. 3-4, p. 239.*

⁶³ *Mohrenshildt D. S. Russia in the intellectual life. . . , p. 37.*

В указанном письме речь идет не о Кантемире, а о его друге и переводчике, аббате Октавиане Гуаско. Вот что пишет о нем Монтескье: «Бедняга прогуливает свои взоры по брошюрам, не щадит своего плохого желудка за всеми столами и губит свою слабую грудь на службе своему Кантемиру и своему Клименту V. Однако это не мешает окружающим находить его Кантемира очень холодным, но это уже вина его сиятельства».⁶⁴ Цитированное место не отличается ясностью; по-видимому, речь здесь идет о том, что Гуаско читал свои *прозаические* переводы из Кантемира в парижских салонах и красноречиво пропагандировал в французском обществе произведения своего покойного друга (упоминание папы Климента V, вероятно, имеет в виду «Историю папы Климента V», над которой Гуаско работал),⁶⁵ но в письме нет ни слова о «неоригинальности» или «безжизненности» сатир Кантемира, какими будто бы находил их Монтескье. Ясно, что добродушная ирония Монтескье направлена на Гуаско, а не на Кантемира и что произведения последнего названы «очень холодными» только по контрасту с пылкой и страстной интерпретацией их переводчиком. Наконец, для того чтобы получить право на отрицательный вывод, следовало бы еще установить, что Монтескье причислял себя к тем, кто находил переводы «холодными», и что слова письма о «его <Гуаско> Кантемире» имеют в виду «Сатиры» и именно их французское издание 1749 г. Таким образом, указанное письмо Монтескье не дает нам никаких оснований считать, будто бы отношение его к «Сатирам» было отрицательным. Напротив, несомненное участие Монтескье в замысле и осуществлении их издания в 1749 г. может свидетельствовать об обратном.

Более справедливо суждение Марселлы Эرار, допускающей интимную дружескую близость Кантемира с Монтескье на основании упоминаний русского дипломата и сатирика в переписке французского философа.⁶⁶ М. Эرار впервые в зарубежной литературе ввела Монтескье в круг избранных парижских друзей Кантемира, среди которых был граф д'Арманьяк, герцогиня д'Эгийон, также бывшая поэтессой,⁶⁷ м-м Жоффрень, знаменитый

⁶⁴ *Montesquieu. Correspondance*, vol. 2, p. 211.

⁶⁵ *Michaud. Biographie universelle*. Paris, 1817, t. 18, p. 600—602. — Эта биография О. Гуаско, в которой, кстати сказать, говорится о переведенных им сатирах Кантемира, остается наиболее известным источником для истории жизни и деятельности этого приятеля Монтескье. Однако автор ее S. S.—n (т. е. Saint-Surin) основывался преимущественно на более раннем и более подробном источнике данных о Гуаско, на биографии его, начисанной Дасье в «Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres» (Paris, 1793, t. 45: *Eloges des Académiciens morts depuis l'année 1780 à 1784*, p. 189 c. suiv.).

⁶⁶ *Ehrard Marcelle. Un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV le prince Cantemir à Paris. 1738—1744*. Lyon; Paris, 1938, p. 202.

⁶⁷ *G. Lozinsky (Le prince Antioche Cantemir. . . , p. 240—241)* разыскал французский мадригал Кантемира, адресованный д'Эгийон и несколько раз напечатанный во Франции (в 1764, 1769 гг.) и в 1788 г. в Женеве. Гуаско называл герцогиню д'Эгийон среди тех друзей Кантемира, попечение и забота которых утешали его во время последней болезни; по этой причине ей и посвящено французское издание «Сатир».

математик Мопертюи, доктор Жендрон и еще несколько лиц; однако и она опустила в своем изложении ряд существенных для нас подробностей, в частности относительно французского издания «Сатир» в переводе Гуаско и забот по этому поводу Монтескье. Альбер Лортолари, в свою очередь, должен был признать непринужденность в отношениях Монтескье и Кантемира на том основании, что еще в начале 1742 г. Монтескье не задумался дать добрый совет Кантемиру — порвать с некоей молодой особой, которая не стоила его; едва ли, действительно, Монтескье рискнул бы коснуться столь интимных сторон в жизни Кантемира, если бы его не связывали с русским поэтом узы подлинной дружбы.⁶⁸ Лортолари также ничего не сказал об участии Монтескье во французском издании «Сатир».

Между тем в русской литературе уже твердо установлено на основании писем Монтескье к Гуаско, что если вдохновительницей французского издания «Сатир» была герцогиня д'Эгийон — близкая приятельница и Монтескье, и Кантемира, и Гуаско, — то издателя для этого перевода нашел именно Монтескье через посредство Демоле, библиотекаря и издателя разных сочинений (в том числе французского перевода «Оттоманской истории» Д. Кантемира, сделанного Гуаско). Вот что писал Монтескье самому Гуаско: «Демоле сказал мне, что он нашел издателя для вашей рукописи сатир, но не для вашей ученой диссертации, потому что можно быть вполне уверенным в сбыте того, что называется сатирами, и очень мало надеяться на ученые диссертации».⁶⁹ «Ваш друг умер, — писал Монтескье тому же Гуаско, — но я утешаю себя тем, что автор еще живет».⁷⁰

7

Таким образом, не подлежит никакому сомнению косвенное участие Монтескье в издании «Сатир» Кантемира в 1749 г. и знакомство его с этой книгой. Удивительным представляется лишь то, как поздно добрались до этого вывода исследователи Кантемира и как рано знал об этом Батюшков. Основным источником его данных по этому поводу, помимо французского издания «Сатир», были письма Монтескье к Гуаско, цитированные, как мы видели, уже Карамзиным. Знакомство Батюшкова с этими письмами несомненно: помимо всего сказанного выше, оно удостоверяется целым рядом сопоставлений этих писем с отдельными местами текста «Вечера у Кантемира». Достаточно указать

⁶⁸ *Lortholary Albert. Le Mirage russe en France au XVIII siècle*, p. 34 (ссылкой на письмо Монтескье к Гуаско от февраля или марта 1742: *Correspondance*, vol. 1, p. 368). См. также статьи: *Lozinsky G. Le prince Cantemir et la police parisienne* (*Monde slave*, 1925, févr., p. 223—247) и «Trois épisodes de l'ambassade de Cantemir à Paris» (*Ibid.*, 1925, mai, p. 402—421).

⁶⁹ *Lettres familières du président de Montesquieu*, p. 43.

⁷⁰ *Майков Л. Н. Материалы для биографии А. Д. Кантемира*, с. XII—XIII

хотя бы на слова, которые у него произносятся «аббат В.», адресуясь к Монтескье, о «вечерах г-жи Жоффрень — которая вас превозносит, но в душе своей ненавидит»: все это место основано на замечаниях Гуаско, имевшего достаточные поводы для того, чтобы мстить м-м Жоффрень за нанесенные ему обиды.⁷¹

В истории отношения русской критики и читателей к «Вечеру у Кантемира» можно отметить несколько периодов. Встреченный восторженно вместе с другими произведениями, напечатанными в обеих частях «Опытов» Батюшкова,⁷² «Вечер» долго был популярным и любимым читателями. Особенно был он известен в кругу декабристов, внимательно изучавших «Дух законов» Монтескье и его комментаторов начала XIX столетия.⁷³ В представлении декабристов о Монтескье как о законоводе и историке правовой и общественной жизни различных государств, утверждавшем, что ему удалось открыть общие начала, которым следуют в своем развитии различные типы государственных образований, Батюшков не мог не внести своим произведением весьма существенных поправок, заключенных в том, что касалось его предсказаний относительно исторической судьбы русского народа. О Батюшкове и его «Вечере у Кантемира» декабристы не могли не вспоминать всякий раз, как только заходила у них речь о своеобразных путях русского общественного развития в связи с теорией Монтескье о климатических зонах. Не историческому, но догматически-рационалистическому характеру учения Монтескье Батюшков противопоставил в своих возражениях ему строго историческую точку зрения. Эта поправка была очень существенной и помнилась у нас еще довольно долго в непрерывной ассоциативной связи с именем Батюшкова.

Когда в 1839 г. Белинскому пришлось коснуться «теории климатического влияния» в рецензии на компилятивную книгу «Краткое руководство к познанию племен человеческого рода», изданную в Москве, он вспомнил не только о Монтескье, но и

⁷¹ *Lettres familières*. . . , p. 239, note; *Ehrard Marcelle*. Un ambassadeur. . . , p. 200, note. — В первопечатном тексте «Вечера у Кантемира» (Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817, ч. 1, с. 59) имя это напечатано с ошибкой — Жоффрель.

⁷² Большой отрывок из «Вечера» был перепечатан в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1817, № 15—16, с. 98—100).

⁷³ В. И. Семевский (Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 219, 220, 221, 222, 225, 227, 229, 515, 553 и др.) собрал много указаний относительно особого интереса к Монтескье Рыльева, Пестеля, Штейнгеля, Крюкова и многих других декабристов. Конспект нескольких глав его основного труда под заглавием «О существе законов Монтескье» нашелся в бумагах В. Ф. Раевского и недавно был опубликован П. С. Бейсовым в «Пушкинском юбилейном сборнике» Ульяновского гос. пед. ин-та (Ульяновск, 1949, с. 252—255). — Следственная комиссия особо интересовалась этой рукописью и спрашивала Раевского, с какой целью он делал свои извлечения из трактата Монтескье (с. 329). Страстным поклонником Монтескье в эти же годы был Н. И. Кутузов, автор сочинения «О причинах благоденствия и величия народов», один из ближайших соратников Ф. Н. Глинки по Союзу Благоденствия (*Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, с. 230—231).

о «поправке» к его учению Батюшкова. «Умен, очень умен был автор „Духа законов“, — писал Белинский, — а смешно, однако ж, целый ряд явлений выводит из одного факта, даже и в том случае, когда б он был решительно доказан, ясен, как день. За безграничное самовластие, врученное климату, досталось порядочно г-ну Монтескье от многих, в том числе от г. Батюшкова и аббата Гуаско».⁷⁴

«Неточность» в ссылке на Гуаско, которую отметил С. А. Венгеров в примечании к этой статье Белинского,⁷⁵ представляет для нас особый интерес: она свидетельствует, что Белинский удерживал в памяти впечатление от «Вечера у Кантемира» и его действующих лиц и что он этому произведению придавал не только художественное, но и философско-историческое значение.

В более поздние годы русские критики и ученые исследователи Кантемира утратили представление о «Вечере у Кантемира» как о своеобразном исследовательском этюде, лишь облеченном в форму художественного произведения; долгое время и трудными путями им приходилось добираться до некоторых из тех истин, которые первым провозгласил у нас Батюшков, исходя из собственных изучений источников. Это в первую очередь относится к вполне верно угаданной и изображенной им истории дружбы, связавшей Монтескье, итальянского аббата и русского сатирика в начале 40-х гг. XVIII в. Для нас эта история полна особого интереса: она неопровержимо свидетельствует о том, как рано устанавливались крепкие связи между передовыми представителями французской и русской культур.

⁷⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 3, с. 197. — «Вечер у Кантемира» Белинский вспоминал несколько раз в более поздних своих статьях (см.: т. 7, с. 253; т. 8, с. 618 и др.).

⁷⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. / Ред. С. А. Венгерова. СПб., 1901, т. 4, с. 530.